
МАКС ФРАЙ

ГНЕЗДА ХИМЕР

ХРОНИКИ ХУГАЙДЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ф82

Книга публикуется в авторской редакции

Фрай, Макс
Ф82 Гнезда химер. Хроники Хугайды/Макс Фрай — Москва: Издательство АСТ, 2024 — 640 с. — (Миры Макса Фрая (илл. Фerez)).

ISBN 978-5-17-137596-6

Вышло так, что история о Гнездах Химер была рассказана дважды, по числу волшебных ветров Хоманы, смешавшихся с дыханием рассказчика. Вам досталась история, рассказанная поутру, когда приходит время ветра по имени Хугайда; история, записанная черными чернилами на белой бумаге. Так уж вам повезло.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-137596-6

© Макс Фрай, текст, 2024
© Е. Фerez, илл., 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

Первая волна сбивает тебя с ног,
и ты катишься, катишься, катишься,
но не захлебываешься,
даже если стараешься захлебнуться.
Вторая волна подстерегает тебя,
когда пытаешься подняться на четвереньки,
и во рту становится солоно,
но ты еще жив,
даже если уже готов умереть.
Третья волна накрывает тебя с головой,
и ты думаешь: это и есть конец...
Но четвертая волна уносит тебя
в открытое море,
и ты вспоминаешь, что всегда был рыбой.

*Записка, случайно обнаруженная автором
на салфетке, испачканной белым соусом
и черным кофе, в кафе «Rotten Elephant»,
где-то в старом центре города Эрфурта,
в мае тысяча девятьсот девяносто... —
не помню какого! — года.)*

ГЛАВА 1

ВЕЛИКИЙ РАНДАН

Сначала не было почти ничего, только темнота, сильный запах паленого и жгучая боль. Потом ко мне вернулась способность видеть. В полумраке белело смутное пятно; несколько томительных секунд спустя пятно превратилось в лицо пожилого мужчины. Его неподвижные серые глаза, выпученные, как у извлеченной на поверхность глубоководной рыбы, смотрели на меня с невыразимым восторгом.

— Маггот! Йох! Хваннах!* — хрипло пробормотал он.

Я оценил пафос, но напрочь не понимал, что означает сие бессмысленное сочетание звуков. Это настораживало: я — далеко не полиглот, но обычно иностранная речь кажется мне хотя бы смутно знакомой. Почти в каждом языке есть слова, понятные иностранцам без вмешательства переводчика.

Тем не менее звучание человеческой речи повлияло на меня благотворно: по крайней мере, я пришел в себя настолько, что начал осознавать происходящее. Понял, что лежу на холодном полу, а запах паленого исходит от моих собственных волос и одежды. Рубашка на мне все еще тлела, и я судорожно задержался, отдирая клочки потемневшей ткани от обожженной кожи.

---

* Демон! Точно! Черт побери! (*кунхё*)

Пучеглазый иностранец с нездоровым любопытством созерцал мою паническую борьбу с огнем, но и не подумал прийти на помощь. Когда я наконец избавился от рубашки, он удовлетворенно кивнул, словно в этом была и его заслуга.

— Мне нужна вода.

Я сам не узнал свой голос, но, судя по всему, эти скрежещущие звуки издала именно моя гортань.

Дядя уставился на меня, наморщил лоб. Он силился понять, чего я хочу. Я скрипнул зубами: эти филологические недоразумения были как нельзя более некстати. Меня мучила сильная жажда и, кажется, мне позарез требовалась квалифицированная медицинская помощь.

Пришлось заняться пантомимой: я собрал жалкие остатки воли, чтобы приподняться, принять сидячее положение и придать своим движениям хоть какую-то четкость. В конце концов я кое-как уселся на полу и старательно изобразил этюд с невидимой чашкой.

Я так демонстративно чмокал, имитируя глотки, что незнакомец довольно быстро понял, что от него требуется. Он с энтузиазмом кивнул и заорал что-то неразборчивое в невнятный сумрак за своей спиной.

Некоторое время ничего не происходило. Выполнять мою просьбу явно никто не торопился, пучеглазый продолжал пялиться на меня как баран на новые ворота, я по-прежнему не соображал, кто я, собственно говоря, такой и что происходит. Труднее всего было выдерживать пульсирующую боль в обожженных руках. Думаю, я не кричал только потому, что у меня не было на это сил. Кажется, я просто тихо поскуливал, как старый умирающий пес.

Наконец предо мною возникло какое-то нелепое существо неопределенного пола. Увидев меня, оно взвыло — то ли от страха, то ли просто от неожиданности. Я услышал грохот бьющейся посуды, на мою обожженную кожу полетели прохладные брызги. Судя

по всему, непутевое существо с перепугу благополучно уронило на пол посудину с предназначенной мне водой. Пучеглазый что-то прорычал и наградил своего неуклюжего слугу такой оплеухой, что бедняга едва удержался на ногах. Он виновато залопотал, пучеглазый внимательно слушал его объяснения. Обо мне они, кажется, забыли.

— Черт, ребята, я хочу пить, — настойчиво напомнил я и сам поразился своему грозному реву. А ведь только что казалось, что я и застонать не могу.

Существо жалобно пискнуло и брякнулось на пол. Судя по всему, оно потеряло сознание. Каменное лицо пучеглазого слегка перекосилось, и он поспешно удалился.

Прошла минута. Надо полагать, это была одна из самых длинных минут в моей жизни. Мне по-прежнему не удавалось активизировать вялотекущий мыслительный процесс, так что я с энтузиазмом мучился от жажды и боли за неимением иных развлечений.

Наконец пучеглазый вернулся. Молча протянул здоровенную миску. Мне пришлось взять ее обеими руками, одной я ни за что не удержал бы! Руки мои взвыли от боли, но посудину я все-таки не уронил.

Воды в этом объемистом сосуде было совсем немного, не больше стакана. Жидкость показалась мне довольно затхлой и теплой, но она была мокрая, и это с лихвой компенсировало прочие недостатки.

После нескольких глотков я понял, что вкус воды был не столько затхлым, сколько чужим. Совершенно незнакомый вкус, словно бы в дело вмешались какие-нибудь марсианские водоросли. Тем не менее я выпил все до последней капли. Жажда отступила, но боль, кажется, только усилилась.

Я снова услышал свой голос, как бы со стороны, словно какая-то часть меня не решалась вернуться в тело и взволнованно наблюдала происходящее с безопасного

расстояния. Голос звучал на удивление твердо и властно — иногда я сам себе поражаюсь!

— Мне нужна какая-нибудь мазь от ожогов. Только очень быстро, а то я загнусь.

Пучеглазый снова наморщил лоб. Разумеется, он не понял ни слова. Я заставил себя встать — меня шатало из стороны в сторону, словно я только недавно начал брать уроки пешей ходьбы, но я все-таки приблизился к нему и поднес к его носу свои обожженные руки. Дядя испуганно отшатнулся, машинально схватился за пояс — я отметил, что там у него болтается здоровенный кинжал в монументальных ножнах. Потом понял, что я не собираюсь драться, и изумленно уставился на мои многострадальные конечности.

Что ж, у этого дяди было как минимум одно неоспоримое достоинство: он умудрялся каким-то образом интерпретировать мои жалкие попытки объясниться и выполнял все требования по мере их поступления — по крайней мере, пока.

Через несколько минут у меня в руках оказалась здоровенная склянка, до половины заполненная темной, резко пахнущей слизью — именно так, надо думать, могла бы выглядеть медуза, умирающая от чумы. Прикосновение к этой мерзости показалось мне отвратительным, но боль в обожженных руках сводила с ума, так что я опасливо обмакнул палец в вонючую жуть и осторожно провел им по запястью. Мгновение спустя с изумлением понял, что крошечный кусочек моей плоти зажил отдельной от меня благополучной жизнью, совершенно не увязывающейся с общим скверным состоянием дел в метрополии. Мазь действовала, и еще как!

Я тут же забыл о брезгливости и поспешно намазал благословенной дрянью обожженные места. Потом с наслаждением наблюдал, как уходит боль. Она отступала удивительно быстро, так тает кусочек льда, брошенный в кипяток.

Только теперь я понял, что мои зубы выбивают мелкую дробь — то ли в помещении было холодно, то ли меня просто знобило. Пучеглазый тоже это заметил. Не дожидаясь моего очередного выступления, принялся шарить по углам. Поиски увенчались успехом: он с торжественным полупоклоном вручил мне нечто белое и бесформенное. При ближайшем рассмотрении загадочное «нечто» оказалось чем-то средним между просторной рубашкой и коротким баннным халатом. Мне показалось, что сей наряд уже давно нуждался в хорошей стирке, но сейчас было не до жиру, годилось все что угодно, лишь бы согреться.

Толстая ткань рубахи действительно оказалась теплой и вполне уютной. Меня все еще колотило так, что я боялся лишнее слово сказать, чтобы не прикусить язык, но теперь я отлично знал, что температура воздуха тут ни при чем. Я постарался расслабить мышцы и дышать медленно и глубоко. Это немного помогло — по крайней мере дрожь почти унялась, а на большее я и не рассчитывал.

По мере того как проблемы моего тела худо-бедно утрясались, я принялся понемногу обдумывать происходящее. Сказать, что оно мне не нравилось, — значит не сказать ничего! «Не нравилось» — это бы еще полбеды. Хуже другое: я по-прежнему ничегошеньки не понимал. Ни где нахожусь, ни кто этот пучеглазый мужик, любезно одолживший мне свою одежду, ни что было со мной несколько минут назад, прежде чем я обнаружил себя в этой полутемной комнатушке, освещенной только пламенем камина. Я вообще ничего не мог вспомнить, даже обстоятельства, при которых получил ожоги. Какое там, собственное имя оставалось для меня загадкой!

Пучеглазый тем временем снова удалился и тут же вернулся с кувшином. От кувшина исходил резкий запах перебродивших фруктов. Я принялся и решительно помотал головой.

— Не буду я это пить. Лучше просто дай мне еще воды. — Я вспомнил, что он не понимает ни слова, взял в руки миску, в которой недавно была вода, и выразительно помахал ею в воздухе, как бы зачерпывая невидимую жидкость.

Мой новый знакомый в отчаянии воздел руки к небу, словно призывал невидимого свидетеля отметить в своей записной книжке, что он сделал все что мог. Потом он снова сунул мне под нос кувшин. Я начинал злиться: этот дядя немного напоминал мою бабушку, которая бросалась разогревать обед, если я пытался просто получить в одиноличное пользование горбушку хлеба. Объяснить ей, что мне больше ничего не требуется, было совершенно невозможно!..

Я ожесточенно замахал перед носом пучеглазого пустой миской. И победил: тот залпом выпил сомнительное содержимое своего кувшина, забрал у меня миску и удалился.

На сей раз он наполнил свой чудовищный сосуд до краев — выразить не могу, как меня это радовало! Пить хотелось так, словно я только что закончил утомительный пеший поход через пустыню.

Теперь, когда мое тело было обеспечено необходимым для выживания минимальным набором жизненных благ, я решил как-то объяснить пучеглазому, что мне позарез требуется остаться в одиночестве. Я был готов на все, лишь бы он оставил меня в покое. Мне почему-то казалось, что стоит немного полежать, закрыв глаза, и мой ополоумевший чердак вернется на место. Я вспомню, как здесь оказался, пойму, что происходит и, самое главное, — как устранить неполадки, которые явно имели место в моей внезапно перекособочившейся жизни. Вместо памяти о прошлом у меня сейчас имелось только смутное ощущение, что раньше все было иначе и, самое главное, гораздо лучше, чем сейчас!

Я призадумался: на сей раз мне предстояло объяснить доброжелательному пучеглазому незнакомцу довольно сложную штуку. Наконец я выразительно постучал себя по груди, потом развел руки, как бы обнимая пространство, и в финале продемонстрировал ему одинокий указательный палец.

Бедняга не сразу разгадал мою шараду. Хмурился, чесал затылок, озирался по сторонам. Потом его внезапно осенило, он понимающе кивнул и направился к выходу. Мои глаза уже привыкли к царившему здесь полумраку, и я смог разглядеть маленькую дверь в глубине помещения, такую низкую, что мне наверняка пришлось бы согнуться чуть ли не вдвое, чтобы ею воспользоваться. На полпути он остановился и с пафосом душевнобольного священнослужителя провозгласил:

— Хелле куньль вэй урле эсте гер, нэхем маггот йонхет! Унлах!*

— Усраться можно! — растерянно откликнулся я и поморщился от резкой боли в висках. Я был совершенно уверен, что боль вызвана нелепым сочетанием звуков в речи пучеглазого. «Какой «куньль», какой такой к черту «хваннах», — устало подумал я, — это же язык поломать можно. Господи, неужели я навсегда утратил способность понимать человеческую речь?! Только этого не хватало».

Незнакомец наконец-то ушел, глубоко удовлетворенный своим пламенным выступлением. Я остался один и принялся осматриваться.

Небольшая комната освещалась только красноватым огнем камина. Обстановка напоминала дешевую декорацию к «Фаусту». У входа стоял неприветливый остов, который я принял за скелет большой обезьяны, приземистый и широкоплечий, его длинные руки касались

---

* Именем моим налагаю заклятие на эту дверь, и демону не преодолеть ее. Да будет так! (*кунхё*)

земли. Мебели было немного, но ее монументальные размеры с лихвой компенсировали небольшое число предметов: их хватило, чтобы загромоздить все пространство. Огромный шкаф у стены, с которого на меня равнодушно пялилось потрепанное чучело незнакомой мне птицы, гигантский сундук посреди комнаты, здоровенный стол, уставленный колбами и ретортами, — словно с картинки из научно-популярной книжки о жизни средневековых алхимиков.

Забавно: зловещий вид комнаты оставил меня совершенно равнодушным. Вся эта мистическая дребедень, вроде скелета у входа и связок мелких сушеных тварей неопределенного происхождения над камином, даже заставила меня улыбнуться: ни дать ни взять театральная декорация.

Ничего похожего на кровать в комнате не было, поэтому я улегся на толстый ковер, которым был устлан пол. Спать мне не хотелось, но для того чтобы бодрствовать, не осталось сил, поэтому я просто впал в оцепенение: лежал, тупо уставившись на пляшущие язычки пламени.

Скажу честно, я даже не пытался вспомнить, кто я такой и что было перед тем, как я обнаружил себя в незнакомом месте наедине с этим пучеглазым красавчиком. Более того, я очень не хотел вспоминать. Я смутно подозревал, что после этого моя жизнь станет адом.

Так оно и вышло в конце концов.

Какое-то время я не мигая смотрел на огонь. Потом меня охватила печаль. Она была похожа на физическое неудобство, что-то вроде зарождающегося флюса, только ныла не десна, а та загадочная часть организма, которую именуют душой. Через некоторое время «нарыв» прорвался: я все вспомнил. Жизнь замечательного меня промелькнула перед внутренним взором за одно мгновение, и я чуть не захлебнулся от изобилия ярких подробностей.

А потом этот фейерверк превратился в несколько файлов информации. Обработав данные, я тихо заскулил от тоски, поскольку с ужасом понял, что моя жизнь закончилась и изменить сей прискорбный факт невозможно.

Ощущения, понятное дело, свидетельствовали, что я все еще жив. Насколько мне известно, мертвых не мучает жажда, а я уже успел вылакать чуть ли не все содержимое оставленной мне миски и хотел еще. Но мои драгоценные ощущения в настоящий момент не имели никакого значения, поскольку все рухнуло к чертям собачьим, и у меня не осталось ничего, чем я мог дорожить, — кроме разве что врожденной способности делать вдохи и выдохи.

Всего несколько часов назад жизнь моя была прекрасна и удивительна*. Настолько, что я все время боялся проснуться и обнаружить, что на самом деле ничего не было. И ведь не зря боялся, оказывается.

Впрочем, я не «проснулся». Скорее уж наоборот, погрузился в какой-то невразумительный, потусторонний бред. Сейчас я достаточно четко помнил, каким образом оказался в этой полутемной комнате.

Да тут и помнить особо было нечего. Я сидел дома и ждал одну очаровательную леди, которая обещала мне долгую прогулку при самой что ни на есть полной луне. Разумеется, я позволил себе удовольствие составить приблизительный план развития событий. По правде говоря, план, который меня полностью устраивал, не производил впечатления реалистичного, но меня это не слишком беспокоило: в последнее время все шло так,

---

* Следует иметь в виду, что время описываемых здесь событий — насколько в данном случае вообще уместно говорить о «времени» — приблизительно совпадает с периодом, описанным в начале повести «Жертвы обстоятельств». Автор предпочитает ограничиться этим замечанием и не вязываться в долгую метафизическую полемику о природе времени. Вместо этого он позволит себе коротенькую цитату: «Всегда есть другое время».